

Д.и.н., профессор,
вед.н.с. СОИГСИ
В.А. Кузнецов

Петроглифы из окрестностей Карачаевска

В.А. Кузнецов

В 1940 г. работавший в учительском институте г. Микоян-Шахар (ныне г. Карачаевск) К.М. Петрелевич, интересовавшийся местными древностями и искавший остатки древнего «лесного хозяйства» (поставлявшего, по мысли К.М. Петрелевича, топливо для древнего металлопроизводства), случайно обнаружил «широкое поле культа». Это крупные камни с высеченными на них различными изображениями. Упомянутое «поле культа» расположено на склоне у слияния рек Мары и Кубани и против впадения в Кубань р. Теберда, рядом с Карачаевском. К.М. Петрелевич сделал с камней неплохие фотоснимки и зарисовки с указанием размеров, описание и свой отчет отправил в ленинградское отделение ИИМК, где они и хранятся [1, л. 11–54].

Согласно К.М. Петрелевичу, центральная площадка «святилища», которую он считал жертвенной, находилась у подножья южного склона горы, была ровной и имела размеры 20×30 м. В южном конце площадки следы какого-то сооружения. Судя по отчету, камни с петроглифами находились не только на площадке, но и на склоне горы. Центральным камнем К.М. Петрелевич считал камень 1, видимо, из-за его величины – длина 2,25 м. Всего автором отчета насчитано 26 камней с петроглифами. Пытаясь осмыслить и интерпретировать петроглифы, К.М. Петрелевич выделил на камне 1 два «культурных слоя»: дохристианский языческий и христианский; первый представлен «чортиками», второй «крестиками». В заключение К.М. Петрелевич пишет: «наш памятник является мировым уникамом» [1, л. 54].

В ходе Великой Отечественной войны и боев на Северном Кавказе германские войска в августе 1942 г. заняли г. Карачаевск. Среди оккупантов в Карачаевске по какой-то прихоти судьбы оказался некий доктор Меттер, возможно, имевший ранее отношение к археологии (никаких сведений об этом человеке у меня нет). Доктор Меттер осмотрел около Карачаевска группу камней с петроглифами и сфотографировал их. Снимки затем, очевидно, с их владельцем, оказались в Германии и впоследствии попали в поле зрения археолога Александра Хойслера. Последний их и опубликовал в специальной статье о петроглифах Южной России и Северного Кавказа [2, с. 889–922].

Несмотря на публикацию А. Хойслера, указавшего на европейские аналогии и научное значение петроглифов из Карачаевска, этот памятник до сих пор северо-кавказской археологии остается почти неизвестным. Постоянно работавшая в Карачаево-Черкесском НИИ Е.П. Алексеева отчет К.М. Петрелевича знала, но в свои обобщающие издания по археологии Карачаево-Черкесии интересующие нас петроглифы не включала и не была знакома с публикацией А. Хойслера [3; 4, с. 99–101]. Не попали они и в большую статью В.И. Марковина о петроглифах Северного Кавказа [5, с. 102–123]; однако уже в последующей статье В.И. Марковин характеризует петроглифы Карачаевска по публикации А. Хойслера, приводит их графическую таблицу и делает вывод о средневековом возрасте петроглифов, особо выделяя «соляренные» изображения, которые всегда осмысливались как знаки благополучия. Крестовидные «человечки» могут быть духами гор, скал, ущелий – того грандиозного пейзажа, с которым в реальной жизни ежедневно сталкивался местный житель [6, с. 55, рис. 8, с. 57]. В цитированной статье В.И. Марковина изображения петроглифов Карачаевска даны по таблицам А. Хойслера, и это побуждает меня еще раз вернуться к интересному памятнику с привлечением материалов и К.М. Петрелевича. Я уверен, что такая публикация не будет лишней. Сам я на рассматриваемом памятнике не был и своей фиксации петроглифов не имею.

Прежде всего, возникает вопрос об идентичности этих материалов. Один ли памятник отражен в них? Можно достаточно уверенно полагать, что один. Об этом свидетельствует не только местоположение памятника близ Карачаевска и полное формальное совпадение знаков на рисунках Петрелевича и снимках доктора Меттера, но и очень близкое сходство изображений и их размещение на камне 1 Петрелевича и одним из камней в фотографиях доктора Меттера [1, л. 19, снимок 3; 2, табл. XVI, 2]. Еще одну аналогию можно видеть, сопоставив петроглифы на камне 6 Петрелевича [1, снимок 8] с одним из петроглифов доктора Меттера [2, табл. XVIII, 3]. Незначительные расхождения могут объясняться чисто техническими причинами, такими, как разные точки и угол съемки, условия освещения и т.п. Таким образом, отождествле-

ние материалов Петрелевича-Меттера представляется вполне очевидным.

Я привожу здесь рисунки и прорисовки со снимков К.М. Петрелевича в соответствии с его нумерацией (рис. 1) и дополняю их таблицей прорисовок с фотографий доктора Меттера, опубликованных А. Хойслером (рис. 2). К сожалению, нет хотя бы схематичного плана расположения камней, соответственно, мы не можем судить о композиции этого интересного культового комплекса и ориентации петроглифов по странам света. Неясными остаются и размеры изображений, но из отчета К.М. Петрелевича вытекает, что антропоморфные фигуры достигают в высоту 33 см, а крестообразные фигуры имели высоту в среднем 25 см [1, л. 19–20]. Прилагаемые рисунки выполнены мной без масштаба.

Символические знаки петроглифов из Карачаевска могут быть выделены в несколько групп. Доминируют наиболее многочисленные две группы, К.М. Петрелевичем названные «крестики» и «чортики». Первые действительно представляют фигуру креста и численно преобладают (52). Вторые представляют очень схематизированные антропоморфные фигуры в характерной позе «оранта» с поднятыми вверх (поза моления) руками, их мною на снимках Петрелевича насчитано 14 (но есть неясные, видимо, полуфигуры). Те и другие, на мой взгляд, отнюдь не составляют два разновременных «культурных слоя», как это казалось К.М. Петрелевичу. Нельзя не обратить внимание на то, что в основе антропоморфных фигур лежит та же фигура креста в усложненных формах, и это, по-видимому, говорит о генетико-семантической связи и хронологической близости обеих групп изображений.

Третья группа – чашечные углубления, обычно с округленным дном. Чашечными углублениями покрыта верхняя часть камня 1 – основного функционально в комплексе. На снимке К.М. Петрелевича мной насчитана 21 чашка (рис. 1,3), но не исключено, что в действительности их больше: часть снимка расплывчатая и неясна.

Четвертая группа объединяет индивидуальные изображения. Это прежде всего семь вписанных друг в

Рис. 1.

Петроглифы близ г. Карачаевска по архивному отчету К.М. Петрелевича (прорисы с фотографий): 1 – камень 1, западная сторона; 2 – камень 1, восточная сторона; 3 – камень 1, верхняя часть; 4–6 – камень 1, типы антропоморфных фигур по К.М. Петрелевичу; 7 – камень 6; * – камень 2; 9–15 – отдельные фигуры по К.М. Петрелевичу (9–10 – камень 13; 11–13 – камень 18; 14–15 – камень 22); 16 – камень 17. Без масштаба.

друга концентрических кругов, перечеркнутых фигурой креста. Круг и восемь фигур креста рядом с ним (рис. 1,7) расположены на восточном углу громадной песчаниковой глыбы длиной до 10 м, шириной 7 м и 1,50 м толщиной. Диаметр внешнего круга 40 см, диаметр внутреннего круга 10 см. Второе индивидуальное изображение по К.М. Петрелевичу находится на камне 13, представляющем громадную плоскую глыбу, «всю покрытую чортиками и крестами» (не поддаются учету. – В.К.). Здесь же находится «новая странная фигура – как кварталные делянки родовых поселений» [1, л. 23, снимок 12]. Действительно, это изб-

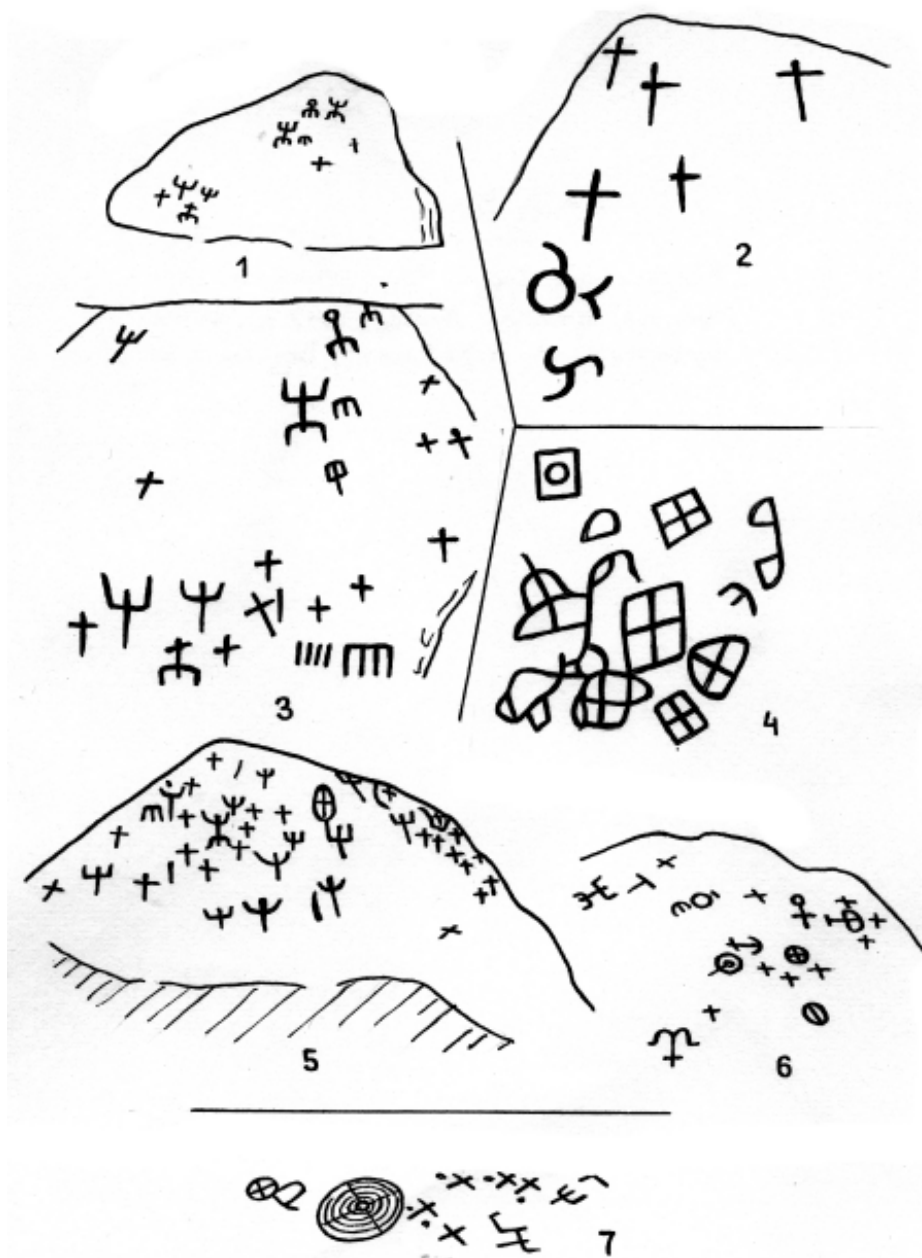

Рис.2.

Петроглифы близ г. Карачаевска по фотографиям доктора Метгера, 1942 г. (прорисы из публикации А. Хойслера). Без масштаба.

ражение решетчатой фигуры, состоящей из шести почти равных квадратов (рис. 1, 10). Рядом высечены три антропоморфные фигуры и один крест. Наконец, в качестве индивидуальных отмечу крест в овальной рамке на камне 8 у края тропы, размеры 15×8 см; триквестра на камне 11, расстояние между концами 12 см; и необычно сложные фигуры креста на камнях 18 и 22, до 20 см длиной (рис.1, 11–14). Отдельно упомяну камень 17: на нем довольно плотно помещены крестообразные и одна антропоморфная фигуры, но хаотично, изображение нечеткое и неясное (рис. 1, 16).

На фотографиях доктора Метгера мы видим в целом ту же картину количественного и типологического распределения знаков при наличии некоторых раз-

личий (о них говорилось выше), но одна из композиций в материалах Петрелевича отсутствует. Это скопление знаков в виде квадратов, разделенных на четыре части, также разделенная треугольная фигура, квадрат с вписанным в него кругом и т.д. [2, табл. XVI, 5; рис. 2, 4] Видимо, эта композиция Петрелевичем не была замечена. Ее семантика и графика вполне вписываются в общее содержание памятника.

Таковы данные о петроглифах у г. Карачаевска, которыми я располагаю. Я решаюсь опубликовать доступный мне материал с надеждой на то, что он привлечет внимание археологов в будущем и будет изучен более полно и тщательно. Сейчас же позволю себе высказать некоторые предварительные и осторожные заключения, связанные с интерпретацией петроглифов Карачаевска.

Основной вопрос, естественно, касается хронологии рассмотренных петроглифов. Прямых данных для датирования нет. Поэтому единственной возможностью для нас является метод сравнительной типологии – датирование на основании достаточно близких изобразительных аналогий, имеющих более или менее устоявшиеся

хронологические рамки (узкое датирование невозможно). Прежде всего, сошлюсь на мнение А. Хойслера, много и успешно работавшего над проблемой древнего пластического и графического искусства Северного Причерноморья и опубликовавшего ряд основательных трудов [7]. В своей публикации материала доктора Метгера А. Хойслер допускает вероятность отнесения некоторых знаков-символов из Карачаевска к эпохе раннего средневековья, хотя тут же отмечает неясности с хронологией происхождения многих из них. Комбинации многочисленных подобий крестов с условными антропоморфными фигурами людей встречаем в сочетании с лабиринтом на скалах Бургуера в Галисии (Испания, со ссылкой на обобщающий труд

Герберта Кюна [8, табл. 75], а также на скальных изображениях (Felsbildern) Северной Европы и северо-западной Испании как результат само собой разумеющихся генетических связей [2, с. 896]. Конечно, мы не можем говорить о генетических связях петроглифов Карачаевска с петроглифами Испании или Северной Европы (что предполагало бы и этнокультурную связь), но принадлежность тех и других к одной исторической эпохе – раннему средневековью по А. Хойслеру – вполне вероятна. При этом определяющим соображением для фигур креста, численно преобладающим, отнюдь не является их возможная связь с христианством: В.И. Марковин отмечает, что символика крестов уходит в самое далекое прошлое и что крестообразная фигура – «это, прежде всего универсальный и древнейший оберег, гарантирующий охрану со всех сторон» [5, с. 114]. Хорошо известно, что крест как геометрический символ появляется в эпоху неолита, затем становится универсальным символом жизни и смерти, символом высших сакральных ценностей, многократное воспроизведение креста практиковалось с целью увеличения благополучия [9, с. 12–13]. Сказанное относится к дохристианской эпохе, поэтому фигура креста на петроглифах Карачаевска вряд ли является датирующим элементом.

Таким элементом может быть антропоморфная фигура, явно изображающая человека с поднятыми руками и часто с широко расставленными ногами. Нет сомнений, что в графической основе таких фигур, как уже говорилось, лежит фигура креста и, соответственно, они генетически взаимосвязаны, антропоморфная фигура представляет усложнение и модификацию более простой и схематичной фигуры креста. Сходные и в основе крестообразные фигуры человечков обнаружены в скальных катакомбах раннесредневекового могильника Крейда в Карачаево-Черкесии [10, с. 91, рис. 22, 2], относимых Е.П. Алексеевой к X–XIII вв. [4, с. 172–173]. Но я хотел бы здесь обратить внимание на бронзовые амулеты второй половины I тыс. н.э., достаточно широко распространенные в северокавказских древностях этого времени. Они изображают мужскую фигуру в уже знакомой нам позе: раздвинутые ноги, поднятые в локтях руки, фигура человека чаще всего вписана в круглую рамку с рельефными выступами и ушком для подвешивания. Территориально ближайшая находка из могильника на плато Кум-Баши опубликована Т.М. Минаевой [10, рис. 37, 1], кроме того, антропоморфные амулеты найдены в катакомбном могильнике VI–VII вв. Мокрая балка в окрестностях Кисловодска [11, с. 249, рис. 3, 3; 12, рис. 125, 6], в могильнике Камунта [13, с. 314, рис. 244, рис. 3, 3–4], причем интересно то, что там же были найдены кожаные ладанки – амулеты с вышитыми на лицевой стороне такими же мужскими фигурами [13, с. 316, рис. 248–249]. Катакомбы Камунта датируются VI–IX вв. Заслуживает особого внимания тот факт, что эволюция этого культового образа – схематичная фигура человека с расставленными руками и ногами – в осетинских дзуарах (святилищах) доживает до

XIX–XX вв. [14, с. 90, рис. 6, 2], тем самым завершая генетико-эволюционный ряд почти полуторатысячного возраста, уходящий истоками в аланские (возможно, и более ранние) древности.

Я не привожу все аналогии, в этом нет необходимости. Главное – предпринимаемая здесь попытка связать антропоморфные фигуры петроглифов Карачаевска с конкретным и поддающимся датированию археологическим материалом культового характера на основе их стилистического сходства и, возможно, идеологического тождества. Если эта попытка достаточно оправдана (на чем я не настаиваю), мы получаем опорную точку для отнесения значительной части петроглифов Карачаевска к раннему средневековью.

В то же время некоторые из рассматриваемых петроглифов могут иметь более древнее происхождение. Вписанные один в другой концентрические круги, сходные с одним из петроглифов Карачаевска (рис. 1, 75), происходят из Эженберга и помещены в монографии Г. Кюна как материал II–I тыс. до н.э. [8, с. 171, рис. 130]. Серию древних концентрических кругов в сочетании с другими знаками-символами, интерпретируемую как геометрическая календарная система, приводит в своей швейцарской публикации Г. Линигер [15, с. 10, рис. 19]. Среди петроглифов из Карачаевска присутствуют чашечные углубления, но они отмечены Г. Линигером в швейцарских Альпах [15, с. 10, рис. 5], а на территории Восточной Европы чашечные углубления и «решетки» (*ср. рис. 1, 10*) известны в «каменной могиле» на Мелитопольщине, датированной М.Я. Рудинским концом II–первой половиной I тыс. до н.э. [16, с. 137]. Однако два чашечных камня были обнаружены мной в ходе раскопок Нижне-Архызского городища X–XII вв. в ущелье р. Большой Зеленчук, причем один из них в культурном слое на центральной улице городища [17, с. 104–105, рис. 82]. Нет сомнений, что это памятник времени городища, и это еще раз свидетельствует о сложности и нечеткости датирования петроглифов. Решетчатые фигуры, крестообразные знаки и концентрическая спираль-лабиринт также известны в древностях Альп [18, табл. 30]. Как видим, данный ряд аналогий уводит в глубокую древность, которую нельзя игнорировать для памятника из Карачаевска. Существуют ли для него реально два разных хронологических пласта изображений или одни одновременны – покажет тщательное исследование памятника в натуре, желательно с археологическим зондированием культовой площади.

Известные сейчас материалы о петроглифах Карачаевска позволяют поставить вопрос, возможно связанный с окончательно и доказательно невыясненной хронологией: локальное своеобразие Карачаевска среди известных нам петроглифов Северного Кавказа. Описанные С.Я. Байчоровым петроглифы плато Бийчесын Карачаево-Черкесии нанесены охрой и, несмотря на присутствие чашечных углублений [19, с. 86, табл. XX], ничего общего стилистически и семантически с петроглифами Карачаевска не имеют. Полагаю, что они позднесредневековые. Очевидно, то же

можно считать относительно написанных также охрой знаков на скале Хасаутского могильника [10, рис. 23]. В скальных гротах близ аула Кумыш открыта еще одна группа петроглифов, выполненных гравированием, и датированных В.И. Марковиным аланским и более ранним временем [20, с. 147–153], что кажется проблематичным. И эти изображения с петроглифами Карачаевска не сопоставимы. Мне известен также петроглиф на скале в балке р. Косой (приток реки Уруп), к сожалению, не опубликованный. Он насыщен фигурами людей, пеших и конных с луками, животных (сцены охоты), соллярными символами и заслуживает специального изучения. Но и эта большая, вытянутая в длину повествовательная композиция с петроглифами Карачаевска не сопоставима.

В.И. Марковин обобщил материал по петроглифам Северо-Восточного и Центрального Кавказа [Дагестан, Чечено-Ингушетия, Северная Осетия; 5, с. 102–123]. Характерно, что при сравнении с материалом из Карачаевска мы и здесь не видим достаточных точек соприкосновения; например, популярные на востоке Северного Кавказа лабиринты и так

называемые «вавилонны» [5, с. 104, рис. 1], знаки собственности тамги [5, с. 111, рис. 5, 3], имеют фактически полные аналоги в Альпах [вавилонны см.; 21, с. 13–15, рис. 6–12, табл. III, 9 и 11, табл. VI, 21], но не имеют в бассейне Верхней Кубани. Судя по публикации Н.Г. Ловпаче, касающейся и петроглифов, аналогов [кроме решетчатых фигур Уруштена и Пшехи; 22, с. 139, табл. 1, 48, 54] нет и на средней Кубани. Наш материал из Карачаево-Черкесии еще не велик и слабо изучен, далеко идущие выводы делать рано, но кажется допустимым предположение о возможной ареальной специфике петроглифов из окрестностей Карачаевска. Вопрос требует дальнейших исследований.

Заканчивая эту статью, имеющую своей целью привлечение внимания археологов к культовому языческому комплексу около г. Карачаевска, хотел бы еще раз подчеркнуть самый предварительный характер изложенных выше суждений. Если этот комплекс цел, он должен быть не только зафиксирован и изучен, но и поставлен под охрану государства как уникальный исторический объект.

Литература

1. **Петрелевич К.М.** Чудесный памятник археологии Карачая (часть рукописи «Основные линии археологии Карачая»). Архив ЛО ИИМК, ф.35, дело №16, 1940.
2. **Hausler Alaxander.** Stüdrussische und nordkaukasische Petroglyphen. Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, XII, 1963. 168 с.
3. **Алексеева Е.П.** Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. – М.: «Наука», 1971. 355 с.
4. **Алексеева Е.П.** Археологические памятники Карачаево-Черкесии. – М., «Наука», 1992. 220 с.
5. **Марковин В.И.** К методике изучения смыслового содержания средневековых петроглифов Северного Кавказа. Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1988. 245 с.
6. **Марковин В.И.** Наскальные изображения Северного Кавказа и некоторые проблемы в их изучении (очерки). Памятники археологии и древнего искусства Евразии. – М., 2004. 168 с.
7. **Hausler Alaxander.** Innenverzierte Steinkammergraber der Krim. Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. Bd.48, Berlin, 1964; Hausler Alaxander. Anthropomorphe Stelen des Eneolithikums im nordpontischen Raum. Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, XV, Heft 1, 1966. 210 с.
8. **Kühn Herbert.** Die Felsbilder Europas. Stuttgart, 1952. 248 p.
9. **Мифы народов мира.** Энциклопедия, т.2. – М.: «Олимп», 1997. 719 с.
10. **Минаева Т.М.** К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. – Ставрополь, 1971. 248 с.
11. **Рунич А.П.** Два богатых раннесредневековых погребения из Кисловодской котловины. – СА, 1, 1977. 165 с.
12. **Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.** Мокрая Балка. Вып.1. Дневник раскопок. – М.: Научный мир, 2001. 180 с.
13. **Уварова П.С.** Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, – М, 1900. 381 с.
14. **Миллер А.** Жертвенные предметы из осетинских дзуаров. Материалы по этнографии, т. III, вып. 1. – Л., 1926. 8 с.
15. **Liniger Hans.** Schalenbrauchtum und Felsgravuren in Zeit und Raum. Basler Beiträge zum Schalensteinproblem, Heft 5. Basel, 1970. 130 с.
16. **Рудинский М.Я.** Кам'яна могила. – Київ, 1961. 167 с.
17. **Кузнецов В.А.** Нижний Архыз в X–XII веках. Феодальный город Алании. – Ставрополь: «Кавказская библиотека», 1993. 462 с.
18. **Behn Friedrich.** Zur problematik der Felsbilder. Berlin, 1962. 210 p.
19. **Байчоров С.Я.** Памятники изобразительного искусства древних бийчесьицев. Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1989. 190 с.
20. **Марковин В.И.** Средневековые наскальные изображения у аула Кумыш. Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1979. 110 с.
21. **Burgstaller Ernst.** Felsbilder und Inschriften im Toten Gebirge in Oberosterreich. Linz, 1961. 140 с.
22. **Ловпаче Н.Г.** Зарождение и развитие тамговой системы адыгов. Культура и быт адыгов. Этнографические исследования. Вып. VII. – Майкоп, 1988. 260 с.